

А

Акад. А. А. Борисяк

Александр Петрович Карпинский^х

15 ИЮЛЯ, на 90-м году своей жизни, скончался А. П. Карпинский, Президент Всесоюзной Академии Наук, крупнейший русский геолог, член многих иностранных академий, общепризнанный «отец русской геологии».

На геологической карте Европейской части нашего Союза, на юге, проходят хорошо известные всем геологам линии Карпинского. Так названы знаменитым Зюссом одни из тех тектонических нарушений, которые были намечены Карпинским, впервые давшим нам картину тектоники (т. е. строения) русской платформы. Линии Карпинского — главные из намеченных им тектонических перемещений, это зачаточные горные складки, которыми определялась вся дальнейшая геологическая история этой части русской платформы и современный ее рельеф.

Совершенно так же другие «линии Карпинского», именно те линии, которые были предугазаны Карпинским относительно развития отдельных геологических дисциплин, направляли более полувека и продолжают направлять развитие геологии у нас в Союзе. Нам, непосредственным работникам эпохи Карпинского, даже трудно полностью установить размеры влияния этой крупнейшей фигуры в истории нашей геологии на развитие различных ее течений. Это дело будущего ее историка.

Карпинский начал научную работу почти три четверти века назад. Некоторые отрасли геологии немногим старше этого возраста (так, палеонтология, как и стратиграфия, насчитывают несколько более 100 лет истории); другие геологические науки даже моложе. Геология, можно сказать, дифференцировалась на глазах Карпинского; он рос как ученый вместе с развитием геологической науки. Вот почему все ее дисциплины были ему доступны; во всякой из них он, участвовавший в ее развитии, был хозяин, и оставался таким до конца жизни, до последних дней работая с одинаковым успехом и в геологии, и в палеонтологии, и в петрографии, тектонике, палеогеографии. Те же, кто вступал на научное поприще много позднее, имели дело с настолько разившимися отраслями геологии, что редко могли овладеть более чем одной из них.

Всеобъемлющие интересы Карпинского в области геологии, так сказать, комплексный характер его интересов составлял огромное преимущество в его работе и отличал его от других геологов.

Несомненно крупнейшим руслом, по которому распространялось влияние Карпинского, была его непосредственная школа. Карпинский в течение 30 лет (с 1867 по 1896 г.) занимал кафедру геологии в Горном институте и читал два курса: курс геогнозии (исторической геологии) и курс петрографии и рудных месторождений. На оба курса, помню, отводилось всего по 2 часа в неделю, и А. П. читал их, чередуя: одну неделю геогнозию, другую — петрографию. Курс геогнозии был таким образом очень краткий — на немногие системы приходилось больше одной двухчасовой лекции.

В то время Горный институт представлял весьма малолюдное учебное заведение (общее число студентов на пяти курсах не превышало 300 человек, а до 5-го курса доходила половина студентов, поступивших на 1-й курс).

Чудесный Воронихинский фасад Института занимал знаменитый «Музеум» Горного института, который, впрочем, мало использовался студентами. Занятия студентов происходили в «классном» флигеле, средний этаж которого занимали пять просторных аудиторий, называвшихся «классами», для пяти курсов Института.

Поступить в Институт было очень трудно (самый свирепый конкурсный экзамен); притом же курс был энциклопедичный, очень трудный; обязанности горного инженера многообразны. Занятия мало чем отличались от средней школы, — только не спрашивали уроков: студенты были прикреплены к своему «классу», профессора входили один за другим в «класс» и читали свои курсы, которые надо было записывать и зачерчивать (некоторые «лекции» состояли сплошь из черчения на доске). Никаких практических или лабораторных занятий (кроме химии) не было.

На фоне такой формальной учебы резко выделялись лекции двух профессоров-геологов. На 3-м курсе — блестящие по форме лекции И. В. Мушкетова (отца), всегда привлекавшие полную аудиторию. Мушкетов читал тот же курс еще в двух вышших школах, и слава о его лекциях гремела в то время (80 — 90-е годы) на весь Петербург.

Лекции Мушкетова по физической геологии будили интерес: от вопросов крепления шахты или подготовки шихты для доменной печи они в заманчивых картинах уносили слушателя в горы или на море. Аудитория его была всегда переполнена.

Иного характера были лекции Карпинского. Он читал их на 4-м курсе. Аудитория его была далеко неполна, зато те, кто оставался его слушать, были не только верными слушателями, но и будущими верными учениками и сотрудниками. Он появлялся обычно в конце «классного коридора» с кипой книг и свертков карт и чертежей, — небольшого роста, полный и с 40 лет седой, с такими живыми черными глазами, какие он сохранил почти до самой смерти. Изложение лекций носило характер как бы простой беседы. И дикция его была совершенно иная, чем у величавого Мушкетова, без всякого пафоса, сопровождаемая тем небольшим покашливанием — не то от застенчивости, не то от подыскания нужных слов, — которое так характерно было для его речи. Одна за другой раскладывались книги и карты, назывались крупнейшие имена, выявлялись различные последовательные мнения, разногласия, сообщались новинки, вчера прочитанные в каком-либо из научных журналов, и, наконец, подводился итог, давалось заключение.

Так разворачивалась перед слушателями история вопроса, намечались пути его решения, его современное состояние и «белые места» — места будущей работы будущего работника. Курс Карпинского вводил слушателя в самую лабораторию научного творчества; его лекции не только увлекали и волновали, они уже на школьной скамье ориентировали слушателя в будущей его работе, он мог проверить себя, годится ли он для этой работы¹.

Как было сказано, курс был достаточно краткий. Изложение отдельных систем получалось необычайно ясным и в то же время изящным. Но слушатель никогда не узнавал, что наиболее остроумные, наиболее увлекательные схемы, сообщавшиеся ему, принадлежали никому иному, как именно Карпинскому. Эта черта необычайной авторской скромности проходит через всю деятельность Карпинского. Характерно, что во всем оставленном им литературном наследстве совершенно отсутствует местоимение «я». К сожалению, замечательный курс геогнозии или исторической геологии, читанный Карпинским, никогда не был ни написан, ни напечатан. Имевшийся в то время для надобностей экзамена конспект ни одним словом не походил на лекции, представляя лишь сухое изложение необходимого для экзамена фактического материала.

В этой школе формировались первые кадры учеников Карпинского, воспринимавшие его мысль от него самого.

Вторую, более широкую аудиторию создавали ему его работы. Работы Карпинского вводили новые методы исследования в различных областях геологии, и уже потому были именно такими работами, на которых учатся, которые создают автору школу в широком смысле этого слова. Но они имели и другие черты, обеспечивавшие им руководящее значение. Эти характерные особенности работ Карпинского могут быть вкратце сформулированы следующим образом: прежде всего — исторический подход к изучению, всякое явление рассматривается в его развитии, и, второе — всякий самый незначительный объект рассматривается, как материал для решения крупного вопроса — для самой маленькой работы была обязательна освещающая вопрос общая мысль. И при всем том — исчерпывающая обработка и простое и понятное всем изложение.

Выше говорилось, что Карпинский работал во всех областях геологической науки. Все же главнейшие его интересы, а, следовательно, и важнейшие работы относятся к стратиграфической геологии. Уже приходилось указывать, что в пределах русской платформы нет системы, — а здесь развиты все системы, известные нам, — над которыми не работал бы Карпинский в самых различных районах. Но особым его вниманием пользовался Урал, где он родился и где началась его самостоятельная научная работа. Уралу он отдал лучшие годы своей работы, но, к сожалению, далеко не все результаты их были напечатаны. Им составлена непревзойденная по точности геологическая карта Восточного Урала. Работы Карпинского впервые наметили решение загадки восточного склона Урала, в значительной степени разрушенного и погребенного под западно-сибирской низменностью. Изящными

¹ Принося с собой один из огромных томов Барранда, он говорил обычно: «Кто не испугается такого тома, из того выйдет геолог».